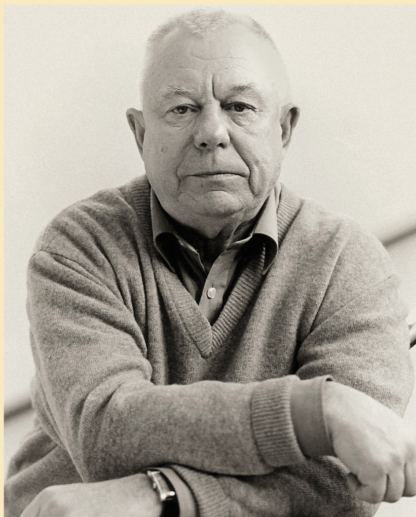

АНАТОЛИЙ ПРИСТАВКИН

Рецензия
Модяну

Издание подготовлено к **90-летию со дня рождения** Анатолия

Приставкина — **писателя, автора многих романов и эссе**, переведенных более чем на 30 языков мира.

Анатолий Приставкин олицетворял собой **верность, благородство, умение любить.**

Верность слову, верность памяти ушедших друзей, которую он берег изо всех сил. А какое **умение любить и жалеть людей**, всех, даже тех, кто этого, казалось бы, совсем не заслуживает.

Все, что мне дорого письма, мемуары, дневники

Анатолий Игнатьевич Приставкин
Все, что мне дорого.
Письма, мемуары, дневники
Серия «Зеркало памяти»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67419713

*Анатолий Приставкин Все, что мне дорого. Письма, мемуары,
дневники:*

ISBN 978-5-17-146442-4

Аннотация

Книга подготовлена к 90-летию со дня рождения Анатолия Приставкина – писателя, автора многих романов и эссе, переведенных более чем на 30 языков мира, в том числе «Ночевала Тучка золотая», председателя первой в России Комиссии по помилованию, Лауреата Государственной премии в области литературы. В сборник вошли его дневники, письма, статьи, а также уникальные фотографии из личного собрания семьи писателя и автографы его друзей, выдающихся деятелей русской культуры.

В издание включены два стихотворения А. Приставкина, которые, по решению вдовы и дочери писателя, больше никогда не будут опубликованы.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	5
Фрагменты из дневников	11
Из дневника 1997 года	11
Из дневника 1998 года	22
Из дневника 1999 года	38
Из дневника 2001 года	47
Публичные выступления и очерки	54
Выступление в Немецкой школе им. доктора Гааза в Москве	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анатолий Приставкин

Все, что мне дорого

Письма, мемуары, дневники

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Фотография на обложке Susanne Schleyer/ akg-images предоставлена фотоагентством EAST NEWS Russia

Серия «Зеркало памяти»

© Приставкин А. И., наследники, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Посвящаем эту книгу всем друзьям, которые не дали нам впасть в отчаяние, – трем Сергеем, Михаилу, Джахан, Валентине, Александру, Анатолию, Леониду, Виктору, Татьяне, Дорис и Эрику, Мартину и Урсуле, Мерили и Джанни...
Марина и Маша Приставкины*

Предисловие

Счастливого тринадцатого

Для кого-то счастливое число семь, а у нас с Анатолием всегда было тринадцать. Тринадцатого случались только счастливые для нас события, мы и познакомились тринадцатого, в занесенной мокрым снегом Риге.

А уж если еще и пятница, то жди везения.

Если что-то шло не так, мы говорили: «Ничего, подождем тринадцатого».

Дочка, правда, родилась пятнадцатого, но это же всего два дня...

И вот опять тринадцать.

Тринадцать лет, как его не стало. И девяносто со дня рождения.

Девяносто – это точно не про Анатолия, если бы не случилось несчастье, внезапная смертельная болезнь, он бы и сейчас бегал свои кроссы, плавал и нырял.

Встречал рассветы на Селигере, радовался успехам дочки Маши, не один раз прошел бы с портретом отца-фронтовика в колонне Бессмертного полка, набирал бы творческие семинары в Литературном институте. Легко перешел бы на «цифру», как когда-то одним из первых в писательской братии самостоятельно освоил ноутбук, на который ушел весь

гонорар от изданных с успехом во Франции «Тучки» и повести «Кукушата» в переводе внучки В. Набокова Антуанет Рубишу...

Были у Анатолия Приставкина всегда под рукой, в «боевой готовности» два ноутбука: один старый, другой – поновее. И все, все в них содержалось в идеальном порядке, по папкам и файлам, – новые повести, наброски и замыслы, литературный архив, письма, а также проекты служебных кремлевских документов, в которые я, разумеется, никогда не заглядывала.

Анатолий мне, конечно, сообщил все пароли. Рассказал, что из архива можно подготовить для публикации, как у него называлось – «после меня», а что не издавать никогда. Но я и думать не хотела об этом. Казалось, что он – такой сильный, здоровый, веселый, наша с дочкой защита и опора – будет всегда.

И вот пришло время. Время собирать камни.

На первый взгляд чего проще? Сложить электронный «том» литархива и распечатать, как если бы с каждой настоящей книжной полки взять по рукописи. Но архив огромный – сплошные гигабайты, и в книге нельзя объять необъятное. Что же выбрать? В каждом очерке, эссе, дневниковой записи пульсирует мысль, звучит голос и почти открыта, не защищена душа.

И я задумалась: что было главное в Толе, в его характере? Ответ нашла в старом-престаром черно-белом фильме

«Золушка», фильме, который мой муж знал почти наизусть. Как ребенок бросал все дела, чтобы в сотый раз слушать финальный монолог короля: «Обожаю, обожаю эти прекрасные чувства – верность, благородство, умение любить. Обожаю эти прекрасные чувства, которым никогда, никогда не придет конец».

Я это запомнила, а теперь поняла.

Анатолий Приставкин – это и есть верность, благородство, умение любить. Верность слову, немыслимое, редкое для такого подлого и страшного века благородство, верность памяти ушедших друзей, которую он берег изо всех сил. А какое умение любить и жалеть людей, всех, даже тех, кто этого, на мой взгляд, совсем не заслуживает! Кто-то скажет «зэков», а мой муж говорил – «несчастных».

Любить своих друзей, студентов, дочку Машу, рыбалку, закаты на Селигере, узкий автомобильный «серпантин» в горах, велосипед, книги, красивых женщин, вкусный стол, собак и кошек... Любить жизнь и жить этой жизнью, никому никогда не завидуя, выпив ее до капли, до дна.

Таким вы увидите Анатолия Приставкина в книге, которую я передаю издательству в день его рождения.

И еще. Двадцать пять лет варясь в литературной, то есть страшно эгоистичной творческой среде, простите, в этой густой каше, действительно не встречала никого другого, кроме Анатолия, кто бы так самозабвенно радовался успехам других. Кто бы так работал не на себя, а на других. Почти в

каждом представленном здесь, в сборнике, документе Приставкин кого-то «продвигает» на премию, чей-то роман рецензирует, рекомендует к изданию, да еще с пометкой «срочно», посылает издателям книги друзей – чтобы заинтересовать. Защищает, причем публично: пишет резкие и сильные публицистические статьи «в защиту». Просто помогает – бросив все дела, хлопочет в письме истринским «властям», чтобы поставили ограничительный знак на шоссе, так как в нашем коммунальном дачном муравейнике много детей, а самосвалы носятся как танки. Беспокоится о вдовах писателей, а потом еще и обивает пороги инстанций лично, как говорил наш сосед Шура Ширвиндт, «торгуя лицом». Каждая рецензия, даже отзыв на никому не известное сочинение студента – огромный труд, блестящая писательская работа, а значит, время, отнятое от своих книг, своей семьи, своей жизни.

Теперь переживаю – плевал бы на всех: и на свою бесценную комиссию по помилованию, и на дурацкий дачный кооператив, и на чужие творческие проблемы, и на чужие судьбы. Многие уважаемые люди – писатели, артисты, художники, например Григорий Бакланов и Фазиль Искандер, уже после похорон Анатолия получили письма, отправленные им буквально за несколько часов до смерти: «Не волнуйтесь, Ваше медицинское страхование будет продолжено, все вопросы решены». Подпись – «Приставкин».

Берег бы силы для себя, глядишь, и нам бы с дочкой хоть

на каплю времени больше досталось. Мы же боролись, бились за каждую редкую возможность побыть всей семьей вместе, бились за его здоровье, за его жизнь.

Но тогда был бы нарушен главный принцип, который так ясно и просто сформулирован в дневниковых записях: «Не могу предать!»

Невероятным для меня, уже как составителя книги, оказалось и то, что многие файлы из домашнего компьютера, которые я считала просто частью моей и Толи жизни, уже стали историей. Это и переписка, связанная с деятельностью созданной по Указу Б. Н. Ельцина Комиссии по вопросам помилования, которую А. Приставкин возглавлял почти 10 лет, и небольшая «порция» кремлевских тайн, но не как недостойное подглядывание в замочную скважину, а как часть истории. Он, кстати, за тяжелейшую общественную работу в комиссии был награжден двумя президентами: Б. Ельциным и В. Путиным Почетными грамотами.

А «Общая газета», существовавшая, кто помнит, в 90-е годы прошлого века? С любимой «Общей газетой», со своим другом, главным редактором «ОГ» Е. В. Яковлевым, Анатолий сотрудничал, вел публицистическую актуальную колонку. И теперь статьи из этой колонки, собранные вместе, как на машине времени переносят нас в прошлое. «Первая чеченская» война, «вторая чеченская», «семибанкирщина», путчи и выборы, возвращение диссидентов, общество «Мемориал», писательское движение «Апрель», траги-

ческий уход Б. Окуджавы, юбилей Ю. П. Любимова... Продолжать?

Нет, читайте сами. Читайте, а я читаю новую повесть Анатолия Приставкина. Называется она «Покидая двадцатый». Папка «Замыслы и наброски». Жизнь продолжается.

Марина Приставка

17 октября 2021 года

Фрагменты из дневников

Из дневника 1997 года *Добрый человек иногда кажется глупым*

Вручали литературную премию «Пенне-Москва»: итальянский торговец одеждой пожертвовал «на искусство», прославил свой городок – ну и молодец!

Вторая премия – Люсе Улицкой. Мы с ней познакомились еще в Берлине, в доме у нашей приятельницы, редактора-слависта Кристины. Они с Люсей подруги. Кристина сказала, что вот у Люси в Германии прекрасный переводчик, читателей много. А в России ее мало знают. Пока... Ну, теперь и у нас узнали, и я рад.

Но огорчило, что каким-то образом попала в список награжденных сытая, ожиревшая, как бандерша, В. Это, безусловно, говорит об испорченном вкусе членов жюри. Впрочем, Маканин мне объяснил, что В. как «середнячок» получала всю жизнь «понемножку», а вышло в итоге много, в то время как другие имели или максимум, или ноль, и вытеснили друг друга. Но она, конечно, никакой не «середнячок», она – антилитература. Когда-то в молодости сочиняла анек-

дотики, сценарии, не шедевры, но все-таки... Говоря в своем выступлении о мощном двигателе рекламы, которая подсовывает нам фальшивку вместо искусства, я имел в виду и В.

А Люся Улицкая – тихая, на сто голов выше любого из тех, кого там выдвигали. Мы с Маришей ее поздравили от души. И если для толкового и владеющего словом Бориса Екимова эта «одежная» первая премия, может, и потолок, то для высочайшей прозы Улицкой, уверен, лишь начало. Дай ей Бог всего! Голосовал за нее как первую – жаль, не поддержали меня.

...Дописываю через десять лет. Люся и вправду вознеслась на Олимп, – издатели, премии, сценарии. Но теперь редко здоровается и смотрит как бы поверх, Мариша звонила ей, пригласила в Дом кино на премьеру «Вагончика» (А. Приставкин, *«Вагончик мой дальний»*, Москва, Эксмо, 2006. – М.П.)¹ – выслушала как-то лениво, ну и ясно, что не пришла. В печати Люся хвалит и считает высшим достижением Пелевина и Сорокина. Дело вкуса, конечно.

* * *

ЦДЛ (Центральный дом литераторов. – М.П.) произвел на меня странное впечатление: в главном холле фотогра-

¹ Курсив – Марина Приставкина.

фии секретарей *(руководителей существовавшего в советское время Союза писателей СССР. – М.П.)*. Бывшие наши «начальники»: всякие Сартаковы, Марковы и пр., и пр. Будто и не было этих новых лет. Выставили бы как паноптикум, я бы еще понял. Но ведь выдают за историю Дома. А это позор, а не история!

* * *

Однажды в тайге, в зимовье рабочие поведали мне историю, как в зимнюю стужу договорились они по очереди топить: одну ночь один поддерживает тепло, в другую – другой... И был у них «сачок», когда досталось ему дежурить, а спать хотелось, догадался поставить в печку горящую свечу. Ребята просыпаются, смотрят из-под одеяла на печку, вроде – горит, а холодина! Пока кто-то не догадался да не встал посмотреть... Изобретателя выгнали. Но я об Андрее Б-ве: у него в печке не дрова, а свеча горит...

Видимость, что тепло дает.

* * *

Сократ и Платон. Одна из теорий: человек уже при рождении несет в себе все элементы истины, но она забывается, и вся зрелая жизнь человека в «припоминании» забы-

того. И оттого формула: «Познай самого себя». Это забытое: сверхчувствительный мир. Скорей всего, подсознание. А еще точнее – душа. Я согласен, мы и правда от рождения несем в своих генах зашифрованное послание, не случайно же утверждают, что хромосомы – это своего рода закодированная Библия. Но даже если нет, все равно генотип человека, создающий 80 или более процентов всей личности (от воспитания там какие-то крохи, 6–8 процентов), позволяет убедиться в правоте древних философов. Внутри человека заложен космос, и, познавая его, можно многое понять и об окружающем мире, и о тайне Вселенной. Да и о самом Господе, если брать чувственную сторону. Тот самый «сверхчувствительный» мир. Для ума эта тема недоступна.

Кстати, у них же: Красота, Истина и Добро – неразлучны. Истина сама по себе несет Красоту, а Добро заложено и в Истине, и в Красоте.

И еще я нашел там одну близкую мне идею: «Лучше подвергнуться несправедливости, чем ее совершить».

Сократа судили «демократично», и 500 судей высказались единогласно за его смерть. Вот тебе и демократия!

* * *

Защитил Чубайса, написав статью «Знал ли Иван Бунин об Анатолии Чубайсе?». Писал всю ночь, уж очень обрыдли эти телевизионные морды, особенно коммунистов. Вот

уж сразу проявили свой иезуитско-палаческий характер, готовы плясать на его костях! Утром позвонил в «Известия», Захарько, он что-то стал бубнить о редколлегии через три дня, о большом объеме... Я тут же перекинул в «Комсомолец» (*газета «Московский Комсомолец»*. – М.П.). Анечка Ковалева показала Гусеву (*Павел Гусев, главный редактор*. – М.П.) прямо в коридоре, и с колес пошло в номер. А защищал я не только Чубайса, который может спасти Россию, ибо он замечательная личность, но и в его лице страну, и себя, и реформы, и наше общее будущее.

Тут все ясно – он бросил перчатку банкирам, а они уже хозяева. Не случайно журналист из «Штерна», посвятивший статью «семибанкирщине», пишет, что у них в руках сосредоточилось 50 процентов богатств России. И далее: «Я очень удивлялся тому, с какой легкостью некоторые (не все!) из членов этой «семерки» заявляли: у кого деньги – тому должна принадлежать власть...»

Не упоминает, кто именно говорил, но уверен, что Березовский в первую очередь. У него это на морде написано. А тут поперек – Чубайс!

* * *

Какое-то ничтожество в должности майора милиции, написавший несколько никому не известных «бестселлеров», сделал героем одного из романов и меня. Имя и отчество у

меня, разумеется, еврейские: жидомасон, словом. Написал о татарах роман, взял приступом Союз писателей, сжег компрометирующие документы и далее от бездарности занялся политикой, стал руководить помилованием. Естественно, беру взятки и милую по просьбе некоего рыжего зампреьера – фамилия начинается, понятно, на букву «Ч», убийцу по кличке «Мертвяк», который затем, в свою очередь, крадет моего ребенка. А я, ну в смысле мой герой, от горя обвязался гранатами и взорвал и себя, и рыжего! Сеня Рогинский, который выдал мне эту новость, утешил: «Не огорчайся, про Ковалева уже пять романов написали!» (А. Рогинский, С. Ковалев – правозащитники. – М.П.)

Я не поленился, обошел переходы и нашел на лотке «Малую Черную Кошку», но читать эту бредятину, написанную на уровне дошкольного дебила, не смог. И так понятно: то, о чем молчат Куликовы и прочая свора, то глаголят их шестерки. И конечно, это скрытая угроза. И я совершенно уверен, что все они – страшные люди и способны на любые подлости, вплоть до подлога, провокации и убийства.

* * *

Потратил драгоценное время, чтобы пролистать эту графоманию, она не такая уж бессмысленная, основное содержание очень даже сегодняшнее. Некая группа «патриотов», предполагая, что демократия до добра не доведет, создает

из своих еще действующих кадров глубоко законспирированную фирму, отслеживающую всех, кто не так живет, не так думает, не то делает. Естественно, слежке подвергнут и мой прототип, в джинсах и свитере. Главный герой – этакий супермен, прошедший все конфликтные регионы: Приднестровье, Югославию, Чечню, чтобы отстоять русскую идею. Воюет против всяких других: магометан, «черных» и т. д.

Зовут супергероя нелепо, не по-геройски, Утконос Передрысный. Так и слышится слово «дрисня». Типичный фашиствующий малый, и, конечно, он ненавидит евреев и интеллигенцию. А их все ненавидят. И всегда.

* * *

Середина декабря, и всех начинает лихорадить, все-таки Новый год! И вместе с суетой, иногда даже приятной – подарки, поздравления, приемы, встречи, приходят мысли и более высокие, ну, например: а что такое ВРЕМЯ? А я вдруг подумал, что это и есть БОГ. Недоступно, как и все потустороннее и уж, конечно, мистическое. Ведь столько, сколько написано о времени и сфантазировано... Столько ни о чем другом. О любви разве... Но ведь и любовь от Бога. И она, если посудить, – чудо. И она необъяснима.

Столпотворение. Дети оделись кое-как, а был мороз. Два часа простояли на холодном дворе, приехала милиция, саперы. Все поняли, что это никакой не сюрприз, конечно. Ну,

это был розыгрыш каких-то дебилов. Не бомба, к счастью. Детишки заболели потом.

А мы едем в «Сосны».

Сборы, путевки; детей, как всегда, как бы не пускают: санаторий для отдыха взрослых. Вам с ребенком не положено! Хотя приедем, и наверняка детей будет прорва, начиная от грудничков! Я говорю: «Манька, там даже с собаками живут в номерах, они с собаками, а мы с тобой. Лаять будешь, если что».

26 декабря в школе у Маши был новогодний праздник, вдруг позвонили: «Школа заминирована!» Всем классам объявили, чтобы срочно бежали во двор, будет новогодний сюрприз. Это чтобы не напугать детей.

* * *

Вечер творчества Игоря Минутко и пятилетие издательства «Армада». Издательство-то занятное, оно нашло свою нишу – историю. Его деятельность на фоне других коммерческих структур выгодно выделяется просветительской направленностью. Хотя авторы так себе, посредственные. Правда, а где они наберут первоклассных вроде Бориса Васильева или Юрия Давыдова? Но вот раскручивать рекламу они явно не умеют, «Текст» из такого вечера конфетку бы сделал, а эти... скучновато. Прочли нечто вроде лекции и устроили легкий закусон в подвале ЦДЛа! Да и сам вечер но-

сил полусамодетельный характер. Но Игорь был счастлив и ничего этого не заметил, и слава богу! Игорь – хороший человек, очень добрый, что в нашем писательском гадюшнике огромная редкость.

* * *

На вручении премии «Пение-Москва» сидел рядом с Маканиным. У него в «Знамени» с колес идет роман аж в четырех номерах! Молодец. А у меня в «Дружбе» (*журнал «Дружба народов»*. – М.П.) редактор мучает рукопись моей «пьяной повести» (*повесть «Синдром пьяного сердца»*. Москва, «Олимп», 2001. – М.П.) и сидит над каждым словом... Надеюсь, успеем. Скоро сдавать в номер.

Последний месяц любого года проходит под знаком ожидания новогоднего праздника. И – суетишься, суетишься, суетишься... Чего-то готовишь, что-то достаешь, звонишь, поздравляешь, переживаешь, а потом выпьешь, проснешься, а он – наступил! Но, правда, в этот раз, когда мы ненадолго приехали из «Сосен», которые не стали любимыми, но как бы необходимыми для моей семьи, оставалось только помыть шею и спуститься вниз, в так называемый домовый клуб. Столы уже были готовы.

И компания подобралась: коротко постриженный М-н, который, со слов его жены, «подстригся под Приставки-

на» (видно, не уверен в себе, а меня считает образцом стиля!), и его дружок Попов, который в силу своей практичности добавлял к столу продукты с оптового рынка, а точнее, с ящиков у Белорусского вокзала, и Фазиль, и Тоня. Тоня, и приметливая, и сметливая, сразу сказала мне, что психология «новых русских», таких как М-н, шибко отличается от нашей... И что стриженный «парнишка» странный какой-то.

И был Боря Мессерер, который, чтоб нас повеселить, пришел в красной форме академика, и Беллочка, милая, с теплой грустной улыбкой. И были две итальяночки, приглашенные Мессерером, молодые, обаятельные и по-своему счастливые. А еще Юлик Эдлис со своей трубкой, и Лида Графова, и Славкины (Нина даже принесла прекрасно испеченное хачапури!), и Битов с женой Наташей, он был в меру приветлив и шибко поддавал, становясь от рюмки к рюмке мрачней... Впрочем, он из больницы, и ясно, что с ним могло там быть... Ничего хорошего. В середине вечера пришел Вадим Абдрашитов с милейшей женой Нателлой, поставил на стол трехлитровую бутылку «Смирновской» с насосиком, который подавал водку по трубочке вверх!

А в общем, шумно и бестолково, Попов произнес от всех присутствующих какие-то слова, назвав М-а «акулой империализма», при этом жутко перед ним заискивая, а у Беллочки поцеловал руку. Потом запускали ракеты на пустыре у дома... Палили не только мы, а кругом, и потому мы в шутку пересчитали гостей, мол, может кто-то из боя и не вернуть-

ся... Но и правда, пальба была, как в Чечне!

А в общем, Новый год удался. Бегали дети, собаки и кошки. Играла радиола Славкиных, старые пластинки... Ретро! И разбежались где-то после шести утра. Жена Попова, позвонившая днем, сообщила, что Битов надрался и скандалил в конце, а теперь ночует у нее. Если уж приютила, могла бы и помалкивать. Дело житейское.

Ну что же: король умер, да здравствует король!

Из дневника 1998 года

Этот год начинался относительно легко. Уехали в «Сосны», я работал. Вернулись, много суеты – и просвет: звонит Луиза, от Гули, с предложением Марише у нее поработать, не кем-то, а директором гимназии. Мы воодушевились. Мариша написала свои предложения, ездила на встречу, куда-то в офис, в центр. А потом в гимназию, за город. На Рублевку. Нас сперва и смущало, что за город. Выяснилось, там правда и богато, и денежно, но работа подзапущена, с кадрами проблема. Дети «новых русских», пансион полный. Санаторий. Цена обучения – коммерческая тайна. Мариша сказала: «Тебе лучше и не знать». Гуля дама своевольная. Лидер. Хозяйка. В этой гимназии она главная. Делает учителям замечания насчет прически, цветы переставляет... Зарплата из кармана. Как говорит Миша Жванецкий, «зато по пять».

Мы не отказались, хотя я видел, что Мариша переживала. Гуля пригласила ее и директором, и учителем английского. Пока вроде держит за равную, поручила набор новых учеников, замкнула на нее важных и богатых родителей. У Мариши уникальные методики для малышей, и дети ее обожают. В нашей гимназии на «Аэропорте» про нее легенды ходили. И, конечно, тетки ей дико завидовали, ревновали к детям. И к родителям, само собой. Мариша там вкалывала, на ее английском держался весь их скромный бизнес. Гимназия бы-

ла тоже коммерческая, но не дорогая. Одна «историчка» – муж у нее автомагазин держит, между прочим, – вдруг вместо здарсьте: «А у вас, Марина Юрьевна, шубы каждый день новые, как трусы «неделька»?»

Ну да, я шубы люблю дарить жене. Она в них ребенка вырастила, в самый лютый мороз по три часа Машку выгуливала. Первую купил с госпремии за «Тучку» (А. Приставкин *«Ночевала тучка золотая. Роман. Москва, Современник, 1988. – М.П.»*). Висела в ГУМе под замком, предназначалась, продавщицы шептались, для жены Шеварднадзе, да той размер не подошел.

* * *

Вечером в пятницу, 13 февраля (вроде бы счастливое для меня число, да ведь пятница), звонок Михаила Краснова с госдачи, где писал он для Бориса Николаевича «Послание» и откуда никогда ранее не звонил. По поводу письма ПЕН-центра в защиту Витухновской, которое просили передать через меня и далее Краснову для Б.Н. Он и передал, но попутно заметил, что очень сожалеет, что вышел Указ... И пояснил, что Указ по поводу моей работы, ее как бы переводят на внештатную... Что за черт? Позвонил Красавченко, и он повторил в тех же словах. (М. Краснов, С. Красавченко – коллеги по Администрации Президента РФ. – М.П.)

Я позвонил Юмашеву (руководитель Администрации

Президента РФ. – М.П.), как и предлагал Красавченко, я верил, что если он говорит, надо звонить немедленно. Пусть секретарша, но ему же передадут!

А еще написал письмо, по отзыву Мариши, злое. Там было предостережение, это точней. А потом кадровик Анатолий Романович сказал, что в пятницу, 20-го числа, ждет Яров. У него письмо... И далее, очень неохотно, что переход на внештатную практически решен.

* * *

У Ярова. (Ю. Яров, в то время один из руководящих работников Администрации Президента РФ. – М.П.)

Я подготовился к встрече, решив, что тактически мне трудно себя защищать и лучше ссылаться на Комиссию (*Комиссия по вопросам помилования при Президенте РФ, созданная по Указу Б. Н. Ельцина в январе 1992 г., упразднена Указом Президента В. В. Путина в январе 2001 г. А. И. Приставкин руководил Комиссией на протяжении 9 лет. – М.П.*). Она взбудоражена, она считает это аппаратными играми. Она не доверяет. Тем более что это так и есть, я со многими своими «помиловщиками» переговаривал.

Всего этого я объяснить не могу...

Тут Яров почти рывкнул на меня:

– Почему же не можете? Объясните, скажите...

– Ну что я скажу? Что у вас хватает бездельников и ни од-

ного не сократили, а для одного человека не нашлось ставки?

Вот тут он и врезал.

– Почему же не нашлось? Мы не искали. Мы хотели, чтобы вы руководили общественной Комиссией!

– Так я и руководил...

– Но теперь-то у вас пенсионный возраст. Мы не можем закон нарушать. У нас вон и маршал Сергеев... Чем же вы лучше?

Я молчал. Удар был неотразим.

– Так это не по Указу?

– Конечно, нет! – воскликнул он. И соврал. Ибо в трудовой книжке будет запись про Указ, а не про возраст. И, как все опытные вруны, стал, искусственно себя раскаляя, говорить о том, что они долго искали вариант, чтобы дать мне возможность работать далее...

– Но я могу лишь с Комиссией, – сказал я.

– Ах, ну что вы заладили... Комиссия, комиссия! – Воскликнул он артистично. Клоун был отменный. Только не коверный, а «подковерный». – Мы индивидуально к вам! Комиссию можно и другую набрать.

– Можно, – согласился я. – Но не со мной. И учтите: в другую интеллигенция к вам уже не пойдет.

Он разозлился, ответил, что еще как пойдет, побежит, что ерунда все это, у нас здесь много интеллигенции... Вон, Совет по культуре... Там такие люди!

Я не стал опровергать. Все знают, что Совет по культуре

– туфта.

– Они должны быть довольны, – это про «моих», – что Президент доверил им такое дело, как помилование.

Как умеет перевернуть! Они вкалывают, а он им еще мораль читает... Демагог!

Ну а клоун опять начал про меня, как я нужен... Как они старались... И тут при мне, прямо-таки показательно, подписал проект новой президентской бумаги...

Швырнуть бы обратно, в рожу, да ведь не поймут. Ну, отказался, дурак, туда и дорога. Когда он прощался, сиял, как масляный блин. Лысина его довольно блестела. Я понимал, а скорее чувствовал, что меня надули. Наверное, он боялся другого моего решения, а может, скандала? Был лишь один путь – идти к Президенту, но кто теперь допустит? Это в старые добрые времена он был доступен. С чувством очень неприятным, что меня бесповоротно провели, как бывает на рынке, когда уже ничего не вернешь, я вышел из ворот Кремля. Соображать-то начал потом...

Возможно, это лишь промежуточный вариант, выкинуть за штат. Какой-нибудь Куликов или Скуратов попросил. А дальше-то просто... Как лето наступит, когда главные разъедутся, так комиссию и прикроют. Но я, кажется, уж вдоволь нагладевшись вблизи этой рвани, не перестая каждый раз удивляться, откуда они, как клопы, заводятся вблизи власти?

21 ФЕВРАЛЯ

Возможно, Мариша права, что не надо искать здесь подводные камни. Все проще: новый клан (по-нашему, по-дет-домовски, – шакалы), захвативший власть, расчищает площадку. О нас, о нашей работе они знать не хотят, не случайно клоун на мой показательный жест – я принес неподъемную папку с делами, то, что мы читаем за неделю, – сразу же среагировал: «Б.Н. читает больше. Ну и что?» А на мое деликатное напоминание, что «забесплатно» ведь чтение, тут же отмахнулся: «Вам оставили 37 человек из управления. Вот пусть они и читают... А вы подписывайте!»

Разве «мне» оставили 37 чиновников?

Вот и все их о нас понятие.

И еще Мариша сказала:

– Ты неделю побыл в их шкуре: «снимут-не-снимут», и то извелся... Понятно, что из-за дела, из-за своей комиссии. А они же пребывают в таком состоянии все отпущенное им время... Их взволновала степень опасности, исходящая от тебя лично... Лично тобой и занимались, ты их немного напугал. Чем? Да возможностью, пусть малой, что пробьешься к Б.Н., и тогда им всыпят, отчего недосмотрели. Запустили и развалили помилование.

– А зачем им рисковать?

— Ну, есть план сокращения высоких должностей, ты один из них... Что ты думаешь, Яров случайно количество машин считал?

А он считал, даже на бумажке написал: было 200, а будет 128.

Откуда она знает? Смеется: «Дедукция». Еще Пастернак написал: «О женщина, твой вид и взгляд...»

* * *

Когда-то меня поразила одна бумажка — документ из новгородской летописи, где монах пишет список убиенных Иваном Грозным за одну ночь — он там, в Новгороде, тысячу или более семей с детьми вырезал... А монах лишь писал! И девочку Марфу убиенную записал, и грудного младенца Степана... И других...

Мы — монахи. Пишем список... Когда-нибудь востребуют. Люди должны знать, хоть и без того догадливы, кто и как ими правил. Распутиных на Руси еще хватит.

* * *

25 МАРТА

Пока я пребывал два дня в Женеве, такой голубой, сверкающей озером и горными вершинами, убаженной ласковым

ветерком и украшенной цветущими деревьями, в Москве (об этом сообщил мне дипломат Ермаков) сменилось ВСЕ правительство. А новое возглавил сам Ельцин.

Думаю, я оценил правильно: монарх решил навести порядок. Шантрапа из подвала, из-за спины, конечно, лезла с советами, но – сам. Единственная личная моя радость: слетел Куликов. Но скинули (для параллели) и Чубайса, а это для России – крушение. И новая перестройка, она же надстройка, она же стройка, надолго выведет из строя управление страной.

С точки зрения тоталитарной все сделано правильно. Еще Джугашвили использовал возможность держать всех в руках с помощью условий, при которых нельзя ни за что быть спокойным. Сегодня у тебя все, а завтра – ничего, а сам ты уже говно. Борис Николаевич проявил себя и здесь как хозяин. Стукнул кулаком по столу и велел делать по-другому. Но и за этим проглядывает все та же шантрапа. Им выборы не нужны, они станут говном. Им нужна власть. И они ведут к ее захвату, используя президентские возможности.

А у нас снимают Иванушкина. (*Начальник Управления по вопросам помилования Администрации Президента РФ. – М.П.*) Поставят своего, и конец нашей Комиссии.

Поставили Митюкова – говорят, человек Рыбкина. А Рыбкин – человек Березовского. Будто бы Митюков отказался от поста замминистра, который ему предлагали. Пока лишь приветливо улыбается и как-то слишком внимательно смот-

рит в лицо.

И вот уж ГПУ (*Государственно-правовое управление Администрации Президента РФ. – М.П.*), наш злейший сосед, с которым живем через стенку, а ведем переписку чуть ли не через Штаты, разродился письмом ихнего Орехова на наш проект Положения о Комиссии; мало того что они молчали полтора года, блокируя последний вариант, так еще с ходу начали врать, что у нас с ними такие расхождения, что необходимо совещание всех заинтересованных лиц!

Претензии их вкратце можно суммировать так:

Мы подменяем Президента. Мы слишком много милуем (помилование – дело исключительное). Подавать прошение может лишь сам осужденный. (На Западе – любой человек за него, даже не родня!) Да и вообще Комиссия подстроена под Председателя, это плохо, а поэтому ее будущий состав должен предлагать Глава Администрации. А не я. Списочек-то будут для него готовить опять же в ГПУ...

* * *

После моего интервью в «Общей газете» в начале июня, где я открыто рассказал об издевательствах над Комиссией (хотя девка много напутала и не дала даже прочесть верстку!), Лева Разгон потребовал, придя на заседание, обсудить мое интервью и заговорил... Альбац молчала. А потом вступила и она, и я понял, что с...ка накрутила Леву, а сама вы-

жидала... Все было в духе партсобраний – и тон, и обвинения в мой адрес, и ее напор... И Чудакова подросла... Какое право имел без согласия с ними (!) давать интервью?! Один Коченов вступился... Мол, право имеет любой человек, и Приставкин тоже...

– Но он же вступил в открытую конфронтацию с Администрацией и этим подставил Комиссию! – взревела Альбац.

Вот дура, прости господи.

Ну, Чудакова ладно (она в Президентском Совете усидела, хотя нормальные люди покинули его), но с каких это пор «оппозиционерка» Альбац стала защищать кремлевские власти от меня? Или – ей все равно с кем воевать? И приходится-то лишь иногда, когда настроение у нее такое, что с кем-то воевать надо... Бедный Слава Голованов, не выдержал. Сбежал от нее. А как сильно любил – и ее, и дочку Лелю.

* * *

Позвали в день памяти о войне в клуб «Общей газеты», а вели вечер Григорий Бакланов и Марлен Хуциев, и всем дали сказать, а меня, хоть сидел прямо перед ними, «забыли». А я пришел, чтобы вспомнить отца, фронтовика, и свое военное детство. Хуциев, может, и правда не увидел, но Бакланов! Некоторые говорили мне, а я отмахивался, что с того давнего успеха «Тучки» и моего лауреатства в нем варилась какие-то комплексы по отношению ко мне, а по време-

нам и прорывались... Он и помилование не мог простить, задирался насчет смертной казни... И тут, возможно, прямого умысла не было, но по системе Фрейда сработала подкорка... Но я Егору потом выдал... (Е. В. Яковлев, главный редактор «Общей газеты». – М.П.)

* * *

13 ИЮЛЯ

С 1 июля мы всем семейством на немецкой Балтике, о которой сами немцы говорят с придыханием: действительно, места красивые, ухоженные... Дубулты в европейском варианте. Даже географически наше местечко Аренсхопф расположено также на косе, с одной стороны море, песчаный пляж, с другой – залив. Много простора, велосипедные дорожки, рядом заповедный лес, но нет комаров! Есть змеи. А где их нет? Вот и у нас в Комиссии обнаружилась гадюка.

Погода в этом сезоне по всей Германии скверная, и у нас то ветер, то дождь... Хотя тепло. Семейству разрешили разместиться в моей комнатке в Доме художника (Кюнстхауз), куда пригласило поработать мое издательство, но они предпочли снять квартирку с кухней и меня туда переманили. В Дом художника хожу работать, как в мастерскую.

Живем как средний класс бургеров, разве что в рестораны не ходим, а делаем дома недорогие обеды, но по поводу цен комплексуем немного... Рыбный захудалый ресторан-

чик в деревеньке, а цены вдвое выше, чем в Берлине! Еда в ресторанчике ужасная, поэтому Мариша жарит парную камбалу из рыбной лавки – объедение. Бутыль прекрасного белого в супермаркете по цене минералки. Она на велосипеде едет на рынок, а я в это время – тоже на велосипеде – за вином к ужину.

Видимо, сезон курортников тут недолог, и здешние пытаются выжать все, что можно. За рыбкой в Берлин не поедешь! Захочешь, будешь платить... Не у каждого есть на курорте кухня, жена и камбала, понимаешь!

У меня под окошком елки, а в башке маньяки... Пишет-ся с удовольствием, но материал ужасный, и лишь при таком счастливом отдыхе, под пиво или сухое белое, можно его осваивать, не травмируя душу.

* * *

16 ИЮЛЯ

Я почти три недели в Германии и почти успокоился, пришел в себя, почувствовал вновь человеком. А вырываемся из России в безумье, трудно соображая, на каком мы свете... На нас смотрят, как на идиотов, и не понимают, отчего мы все трясемся, и говорим несуразности, и повышаем голос друг на друга... Нервы... Кругом все говорят почти шепотом. Через две недели и я стал тише.

1 АВГУСТА

Мариша уехала с трудом, ей не хотелось отсюда уезжать. Но отпуск закончился, школа ждет. За месяц до 1 сентября у них всегда самая работа. В Берлине повредила ногу, так что неизвестно было, как долетит. Но слава богу, долетела и с ходу в поликлинику. Вывих. Манька со мной. Я ей на завтрак покупаю в пекарне сдобу с яблоком.

Вдруг подумал, что ни разу не слышал здесь громкой ругани или скандала... И все на улице здороваются... Господи, да когда бы мы так жили?!

Манька проводила друзей – овчарку Юру и его хозяина художника Клауса, а теперь ухаживает за улиткой: кормит, поит, спать укладывает...

Улитка сбежала ночью, теперь приручает мотылька и даже ухитрилась комара – правда, крупного – привязать за нитку... Одна ходит на море купаться. Здесь это безопасно. Загар у нее северный, он не очень черный, но такой не сходит потом целый год. Хлопочет по хозяйству, купила какие-то важные средства в ярких бутылочках для чистки всего, что есть в доме. Говорит, мама так делает.

Я работаю, как проклятый, и все более прорисовывается будущая книга. А вот отдохнуть, если повезет, буду в Крыму. Отдыхать надо бессмысленно. Чем бессмысленнее, тем луч-

ше. Так, чтобы поглупеть...

* * *

6 АВГУСТА

Погода вовсе не курортная, серенькая, с обещанием дождя, хотя здесь это не имеет значения. Особенно для меня. Поехали с Манькой на велосипедах в городок Преров, кружным путем, через поле мимо залива... Ехали, болтали, и так просторно и так счастливо было... Так бы и ехал всю жизнь!

Кругом указатели: на любой дороге и в лесу на тропинке. Шагу не сделаешь, на просеке прежде всего деревянный столбик, а на нем маршруты, около которых дотошные немцы упорно изучают, куда им идти или ехать. Может, потому они всего и достигли, что всегда знали, куда двигаться? А в лесу такая сцена: сидят прямо на тропинке три подростка, разложили грибы, смотрят справочник и по картинкам сверяются, какие из них надо оставить. Немцы вообще ужасно любят все изучать. Если есть объявление или афиша, останятся, прочтут. Ходят везде с планами и картами, смотрят, смотрят...

Нация, которая ездит на велосипедах, не бранится, здороваётся на улицах и не пьянствует напропалую, – это нация с будущим.

Особенно меня радует, когда всей семьей, а там и крохи, с серьезным видом едут друг за другом, на «великах» всех

размеров да еще в касках, по дорожкам, которых здесь миллион... И все безопасные... Это для меня важнее моря...

* * *

Мариша 3 августа справляла день рождения одна за бутылкой шампанского и ужасно горевала без нас, даже плакала. Впрочем, через пару дней к ней из отпуска приехала сестра Маша...

* * *

11 АВГУСТА

Скоро уезжать. Мы привыкли тут. Да и с погодой в конце пофартило... Только не смог привыкнуть к голым на пляже, оказывается, это тоже традиция... Особенно странно видеть древних старух с отвислыми сиськами! Стараюсь не смотреть, а они сами вылезают из дюн, как ходячие мумии.

Рядом с нами булочная, ах какие там ароматы! И всегда очередь с утра. Ночью тут же, семьей, работают, выпекают и сами продают. Бизнес скромный, но без срывов, и недорого, люди идут и едут... Можно выпить кофейку с творожным или маковым пирогом. Малиновый – уже роскошь.

27 АВГУСТА

Москва. Другой мир, другие люди: затюканные, скукоженные, забеганные. Пока на коже ощущаешь остатки моря и необыкновенной свежести, но Москва наваливается, и уже через неделю встаешь с больной головой и сплюснутой душой, хотя ничего не произошло, просто атмосфера такая тяжкая, и прощай, Германия!

Сколько бы они ни сочувствовали, а побывать в нашей шкуре не смогут. Помрут. В Доме художника жил русский писатель из Мюнхена, Саша Костинский, не был в России лет пять-шесть, но через сына на Украине примерно знает, что у нас происходит. Примерно. Ибо стал мне жаловаться, что продукты-де у них тут химизированы... Это у них-то! Пожевал бы у нас те же продукты, но втрое дороже да просроченные... Синие «окорочка Буша»! Но если бы дело в еде. Романтически настроенные, такие как Кристина, они теперь приезжают, как раньше бы ездили в Анголу, в поисках впечатлений, уезжают вполне довольными и упрекнуто: ну что вы, у вас не так уж страшно, как мы представляли!

Да вот еще кризис и обвал рубля.

Приехали.

Из дневника 1999 года

Год начался напряженно. Как я в прошлом году ни переживал за всякие цирковые дела вокруг Комиссии (*Комиссия по вопросам помилования при Президенте Российской Федерации. – М.П.*), но вдруг назначили нам из Кремля (говорят, «сам» выбрал!) начальником управления (*Управление по вопросам помилования Администрации Президента РФ. – М.П.*) Роберта Цивилева. И пошло... Поездка в Страсбург, обещание помочь в подготовке конференции против смертной казни, а потом решение Президента помиловать всех «смертников». Он же подогнал все дела из «голубой папки» вплотную к нам. Для этого заставил работать все управление даже по субботам! Но всего добился: и смертников протаскивали за три месяца 716 человек, и конференцию провели, и авторитет Комиссии подняли.

Занятно, что при этом он старался оставаться в тени, а на передний план выставлял меня. Идея-то понятна: если что, все исходит не от чиновника, а от общественности. С нас и спрос. Хотя о том, как жила-была Комиссия, конечно, не знал и удивлялся: никто толком не знает там, «наверху», о вас!

Сразу наладились дела с ГПУ (*Государственно-правовое Управление Администрации Президента РФ. – М.П.*), и Маслов притих, и Орехов уже не пытается палки в колеса нам

ставить... А вскоре Орехов насовсем слинял.

* * *

АПРЕЛЬ – МАЙ

Вдруг объявился Саша Варламов из «Армады», которая вроде распалась на части, но Саша уцелел, руководит прозой и с лету берет мою завершаемую криминальную (определим так) книгу. Берут целиком, хотя, приехав из отпуска, я еще не смог ее всю свежим взглядом просмотреть на компьютере. Единственно, ахнув от объема, разделил на три книги, дав каждой свое название. Возможно, будет еще и четвертая... Когда-нибудь. (А. Приставкин. *«Долина смертной тени»*. Роман. М., Текст, 2002. – М.П.)

Началась гонка (параллельно роман идет в «Дружбе народов», но им на откуп только первую книгу). Здесь большую нагрузку взяла на себя редактор Татьяна Аркадьевна Смелянская – смотреть повторы, огрехи и т. д. Сделать из полуфабриката нечто. Я, уезжая, словами Булгакова о «Белой гвардии» мог сказать: еще бы полгода, и книга бы вышла хорошая. Сдавал за день до отъезда в Берлин. Планируется к началу сентября – к книжной ярмарке в Москве, и очень, видимо, издательство надеется на ее престиж, чтобы возродиться и заявить о себе.

И я, я тоже надеюсь.

ИЮНЬ

Ну совсем уж подыхая от непрерывной жары (весь июнь с переходом на июль!), смог выскочить на Селигер, с Манькой, Павликом и Людой, что уж совсем чудо! Она ближайšie тридцать лет дальше калитки от дома не отходила, а тут – решилась! (*Приставкина Людмила Игнатьевна, сестра. – М.П.*)

Но Люда на Селигере – это особенная тема, не буду живописать. А вот на моторке поехали, своих щуку и судака изловили и чуть-чуть отдышались. Потом опять десятидневная московская гонка (те самые издательства, визы, билеты, звонки, «остаточные» заседания на Комиссии, да еще заболел: две руки вышли из строя сразу!). На Селигере в лютый дождь и почти шторм греб с Хачина до нашей стоянки три часа, и вот – воспаление локтевых суставов, уколы... Последний – в утро отъезда... И в таком сумасшедшем состоянии в отпуск, в Берлин.

А здесь по-прежнему рай, и прохладный, после Москвы, воздух, и само спокойствие, которое во всем – в зелени, в голубом проеме озера, в местных громадных прожорливых лебедях и даже в походах с рюкзачком в супермаркет «Мини-Мал»...

Как мало для счастья и надо-то.

* * *

18 ИЮЛЯ

Мои уехали на неделю электричкой на Балтику и, судя по всему, счастливы: море, лошади, велосипеды и дорога через дубовые леса на Преров... пляж там, между прочим, только нудистский. Говорят, купаются, хотя вода холодноватая. Мариша – как и все остальные, а маленькая Манька в закрытом купальнике. Забавно.

Мне здесь, на Ванзее, спокойно, и даже непривычно спокойно. Болтаюсь по магазинам, делаю вид (для самого себя), что работаю, вечером пью пиво и выползаю, как все местные, на набережную, чтобы созерцать закат... Много ли человеку нужно! И уж почти способен поверить, что впереди, не только здесь, сейчас, целое огромное пространство жизни, заполненное теплым летом и несложным бытом, который здесь никогда не тяготит.

Когда Манька прокричала мне по телефону: папа, тут хорошо, приезжай! – я решил ехать. Не без колебаний, знал, что так хорошо всем нам уже не будет, просто хоть что-нибудь да огорчит. Но билет купил, а с помощью Катарины смог передать в Дом художников «Лукас», чтобы там, в балтийской деревне, моих разыскали, но меня не выдавали. А то не знаю, где они живут, а сюрприз хочу сделать: здравствуйте,

я ваш папа!

Катарина засмеялась: «Как же ты найдешь?» – «Найду, – отвечаю. – Примерно представляю... Да и поселочек крошечный. Можно и на улице поискать, и на пляже. Две девчонки на двух велосипедах». Но немцы не разобрались, сказали Марише все, как есть. Мариша перезвонила Томасу, а он продиктовал Катарине, а она написала записку на дверях, что мои меня ждут и встретят и уже запланировали ресторан на вечер (угощают!). Но чтобы я захватил побольше денег...

А вечером следующего дня уже я угощал их в ресторане, а хозяин (он же владеец гостинички, где мои проживали) подошел познакомиться. Приятный господин профессорского вида, мы в прошлом году видели его на взморье с собакой, тут все на виду – и люди, и собаки, и аисты. Хвалил Машкин немецкий и принес ей в подарок малиновый пирог. Она, как собачка, за успехи получает вкуснятину. Я с ходу без запинки проспрыгал глагол: «Их бин, ду бист...» С детдома помню. Коронный номер. Но пирога не заслужил.

Вернулся в Берлин. Работать надо, а мои еще на недельку задержатся на Балтике. Там у Машки подруга, а еще любимая лошадка на ферме. Дети работают, помогают ухаживать за животными, за это можно ездить верхом. Недалеко, по полям и вдоль моря.

А у меня руки... С Селигера так и тянется, жуткое воспаление суставов. Распухла левая, пришлось обратиться к вра-

чу, и началось. Правая... я один. Ни помыться, ни одеться. На одной руке гипс, другая жестко перемотана, и резкая боль при каждом движении.

Мои вернулись, как увидели – в рев. Особенно Манька. Не могли привыкнуть к моему новому облику. Компьютер запрещен, так как это нагрузка на руки, по всему телу аллергия от антибиотиков – сыпь! И сразу, тоже неожиданно, операция двух суставов. Доктор Харбрехт сказал, что операция фронтальная. Машка переводила в госпитале, справилась.

Сегодня день рождения Мариши. Сфотографировались троим – я, она и Манька рядом с огромным букетом гладиолусов. Попросил друзей, они привезли, самые красивые в Берлине, наверное. И весят несколько кило.

Второй день после. Печатаю одним пальцем. Немного диктую Марише.

Как полечу? Девчонкам таскать чемоданы? И что далее, без рук, один бог знает.

* * *

1 НОЯБРЯ

За окном поздняя осень, дождит. А все, что было, кажется уже не таким страшным. До дому добрались... Мариша, бедная, паковала и тащила чемоданы, а Манька охраняла меня, чтоб никто нечаянно руки не задел. Решил компенсировать пропавший отпуск Крымом, но накануне отъезда снова

слегка опухла левая рука, так что решалось на ходу: ехать, не ехать. Да еще звонок, это уже когда стоял у дверей – умер Лева Разгон. Звонил Кирилл Ковальджи, он произнес: «Езжай, мы тут справимся. Вернешься на девять дней».

Встречал с поезда, на «Айвазовской», Леня Петров, и с ходу позвонил главврачу Коктебеля. Тот быстро осмотрел и сразу решил: нужна еще операция. Вызвали «Скорую», повезли в Феодосию, в военный госпиталь. Там мои читатели. Бедные наши врачи, золотые руки, а условий, а лекарств просто никаких, даже бинтов... Ничего. Жить буду.

А далее ходил, облизывался у моря, и каждое утро на машину (спасибо Лене Петрову, всегда находил транспорт), и в госпиталь. Практически делали то же, что и немцы, в двух местах разрезали и вставили трубки... Последние три дня вроде разрешили купаться, но разразилась буря...

Кстати, военный хирург пояснил, что это вовсе никакая не зараза, просто воспалились локтевые «мешки». Я ему рассказал, как греб на лодке на Селигере. А он: «В Турцию погresti не желаете? Пора».

Но нет худа без добра: такие же лечения в Москве достались бы куда тяжелее, ведь я отдыхал. Обратно провожал Слава, и пили коньяк до отхода поезда. За помин души Левы Разгона.

Коктебель этого года был особенно пуст: дорога теперь очень дорогая, местные в отчаянии, ведь кормятся от приезжих. Но и новшество: мои знакомые построили двухэтаж-

ную гостиничку на восемь комнат (современно, горячая вода, удобства), сдают и получают доход. А Дом творчества как старая баржа, все проржавело, и воды нет... И цены выше... В конце во всем 19-м корпусе я оставался практически один.

* * *

Вторая половина сентября и октябрь прошли в суете: налаживалась работа в Комиссии (ее без меня два раза проводил Кирилл Ковальджи). В «Дружбе народов» начала печататься первая часть романа... А вот с книгой не получается. Новая «Армада», как и предрекал Минутко, не имеет средств... Хотя Варламов Саша звонит и обещает.

Может быть, отдам роман Либкину в «Текст». Ольгерт Маркович предлагает сделать качественный вариант, с редкими фото на вкладке. Но уже однотомную версию. Надо подумать. Миша из «Олимпа» готов взять «трехкнижную», но возможности у него поскромнее, будет такое на вид бедноватое, массовое издание. Зато полное.

Из Комиссии выбыли уже пятеро. В мир иной, навсегда – Булат, Разгон, Коченов (вот уж кто скромно жил и тихо «ушел»). И вдруг откланялась... Женя Альбац. Вроде она без Разгона не хочет участвовать. По-моему, дело не в этом. Вайнер выпал как-то сам собой. Все требовал смертной казни для смертников. И сейчас если не оживить и не пополнить, то будем мы выглядеть убого.

* * *

Трагическая новость: опять война в Чечне. Огорчает не то, что генералы, чем-то напоминающие сытых натовцев, пророчат близкую победу, а старец Сергеев, он же министр вооруженных сил, выдает такие перлы: «Пусть все знают, мы отсюда никогда не уйдем!» Тоже мне, Ермолов! Огорчает настроение прессы, и особенно населения, и так называемой общественности, которая или глухо молчит, или бойко поведствует о наших победах, подменяя слово «народ» словом «террористы».

Чем-то они кончат?!

Из дневника 2001 года

Праздновали в «Соснах».

До этого отметили наступление Нового года (века, тысячелетия) на Комиссии, пришли почти все, и как-то было дружно и трогательно. Кирилл Ковальджи произнес тост о том, что и кого мы готовы простить, оставив в прошлом уходящем веке, и тут разгорелась даже полемика, не хотелось никому прощать коммунистов и всего, что они натворили. Кириллу ответил Феликс Светов и другие, жалею, что по горячим следам не записал, но говорили так искренно и вдохновенно, что и впрямь показалось, мы не так уж плохи. Во всяком случае, в Комиссии уж точно люди, любящие Россию. Не случайно к нам пришел Георгий Владимов, и мы на него сейчас оформляем документы.

В «Соснах» зима, несмотря на оттепель и большие перемены. Новый директор Александр Александрович Николаев тут довольно быстро навел порядок: живые цветы на столе, елочка и личное поздравление, все лампочки горят, все врачи да и служащие работают в праздники, и много елок, и много новых фонарей, и каток ярко освещен, иллюминирован и радиофицирован... Появились аквариумы, и в одном крокодил, как мы называем, Гена. Рептилия, вызывающая любопытство и даже жалость.

Новый год теперь с музыкой, артистами, танцами, хоро-

шим угощением, а первого числа с утра «рюмочная» прямо у елки на улице. И тут от хозяйства: моченые яблоки, соленые помидоры, соленые огурчики, капуста, рассолы, пиво, вода и т. д. И вот странности, много не пили, а играли на гармошке и пели песни, общались, тусовались, танцевали... Несколько часов, до обеда. А второго января катание на тройках для детей, забавы и т. д. И оба вечера концерты в «Шумном зале». Оказывается, все можно сделать, если появляется один предприимчивый человек. Впрочем, не все довольны (мы с Николаевым посидели-поговорили), особенно из тех, кто работал по старинке, и «наверху» мало знают об улучшениях, зато знают, что много жалоб. Доносы у нас – первое дело.

Выяснилось, что распродан лес вокруг санатория, даже на лыжах некуда пойти, охрана новых владельцев с автоматами может и пальнуть. Причем самый реликтовый лес, где квадратный сантиметр стоит бешеной валюты, за бесценок двести гектаров из четырехсот разокрали, по-иному не скажешь!

– Ну и остальные разокрадут, – заметил я, на что тут же услышал, не помню от кого, что Путин всего этого не одобряет и остальное, возможно, сохранят.

У директора своя теория, экономическая: если воруют больше, чем производят, то Россия в кризисе, если воруют меньше, чем производят, то Россия может и процветать. О том, что возможен третий вариант: производят и не воруют,

даже разговора нет.

* * *

ОКТАБРЬ

От «Сосен» до сего дня – это целый век.

Был в Страсбурге по работе (январь), в Берлине, где Маша проходила в немецкой католической школе языковую практику, а Мариша ее «пасла». В начале мая все вместе слетали на Менорку (Испания). Домик с террасой и видом на море, взятая напрокат машина, бассейн, правда, подогретый, и жуткие ливни. Но все равно были счастливы. Потом, летом, Селигер с Борисом Славиным, это тоже целый рассказ.

Потом командировка по линии Минюста Франции, мы проехали Францию от Парижа до Тулона с Андреем Ивановым, замечательная поездка. И к октябрю, то есть моему дню рождения, Борис и Гуля подарили мне отдых на Эгейском море, в Турции. Бодрум. Две недели голубое небо, без облачка, теплое море, утром пробежка, встреча солнца на пирсе, выстеленном зеленым ковриком. Поездки в город на машине турецкой, неведомой нам марки, катание на пароходe по морю. Машина не подвела, я тоже. Борис потом шутил, что «Приставкин работал моим водителем». Покупка подарков (Маньке – крошечный кулон, золотую черепашку) и удивительные теплые вечера, когда можно долго сидеть за столиком во дворе. Все благоухает, множество цветов. И крошеч-

ное огорчение: под занавес приехали странные туристы, видимо, задешево пошел курорт, и зажарили золотых рыбок из бассейна.

Русских почти не было, две семьи мелких бизнесменов и массажист с женой Федя (Фидель), из Молдавии, гагауз, двое детишек на родине, который, как крепостной, с 8 утра до 10 вечера в турецкой бане. Но все равно лучше, чем заработал бы у нас, в России. Он при случае и переводил, ибо обслуга почему-то ни английского, ни немецкого не знает.

Там в малой скромной компании с Борисом с Гулей встретили мы мое 70-летие. Связи с домом практически не было, но факс от Мариши получил. А дома на нее легла главная задача – отбиваться от корреспондентов и даже самой давать интервью. Газеты гадали. Одни писали, что уехал в Германию, другие – на Селигер, третьи – скрывается на даче.

Самое приятное: многие вспомнили и поздравили. А вот взрослые дети не вспомнили (*дети от первого брака. – М.П.*). Бог им судья. Значит, отрезано навсегда.

* * *

За эти полгода произошло главное: в печать вышла вся наша проблема, уничтожение силовыми структурами нашей Комиссии. Поднялась волна, чуть ли не сотня статей и передач, и тогда те, видя, что проигрывают (кто же посочувствует чиновникам!), пустили по своим желтым газеткам и наем-

ным хинштейнам и радзиховским (сколько это, интересно, стоило?!) слушок о коррупции в нашей Комиссии. «Почем помилование?» и т. д.

Конечно, это даже нельзя назвать борьбой, мы лишь защищались, никто из Комиссии не сдрейфил и не предал. НИКТО. Но боролись мы как бы с тенью, ибо мы в открытую, а там подставные люди, мы правду, а они – надерганную ложь. Это, надо честно сказать, нервировало, и даже больше не меня, а мою семью. Мариша вдруг испугалась, что меня посадят по сфабрикованному обвинению.

Мысль-то верная, найти лжесвидетелей, засунуть в СИЗО, где придется даже дышать в очередь, а через полгода выдать мое тело с извинениями, мол, простите, вышла опшибочка, он и вправду не виноват. Мариша же настояла, чтобы я написал короткое письмо и отдал в одно из посольств. Если что-то случится – я предупреждал, тогда проинформируйте общественность и помогите семье.

* * *

25–26 ОКТЯБРЯ

Особый день.

Уезжал в Саратов на конференцию по помилованию. Первая возможность увидеть оппонента в лицо, хотя и тут все больше подставные, как Филимонов, замначальника ГУИНа (*Главное управление исполнения наказаний. – М.П.*). Главные

кукловоды за кадром. Но все равно хоть можно было не из купленных статей, а открыто ИХ услышать. Шпарили, как по написанному, будто я и не выступал, хотя доклад мой был точный и все, что надо, я включил туда, все цифры, все факты.

Но накануне вышла в «Парламентской газете» прегадкая и снова заказная статья про нас под названием «Почем помилование?». Хотелось сразу спросить: «Почем платили за статью?» Но вышла в день отъезда, и торопливо написали опровержение, не по сути, а вообще. По приезде Мариша сказала, что мы сделали глупость, опровержение дурацкое и она тут извелась.

С этой вроде бы мелочи и началось.

Слово за слово, я после бессонной ночи, она на взводе, ибо статья оголтелая. И мне выдает по первое число: «Я тебя предупреждала, что тебя не оставят в покое, если сам не уйдешь, а теперь и нам нигде нельзя показаться. Тычут пальцем: вот эти, Приставкины, которые нахапали миллионы за помилование. А у меня на хлеб денег нет!»

И финал: «Или мы (семья), или твоя Комиссия. Уйдешь, все будет как прежде. Не уйдешь – мы так жить не сможем. «Товарищи» тебе не позволяют уйти, потому что у них ни у кого своей жизни нет, это все их эгоизм».

Но у меня альтернативы нет. Бросить сейчас, в критический момент, Комиссию, значит предать своих, дело, которому отдано десять лет.

Я только сказал: «Ни в чем вас не виню, делайте как хотите. Я могу уйти, уехать куда-то. Но жить на два фронта, там атака и дома, я не могу».

– А ты предаешь семью, – сказала жена.

Хочет сохранить, оберечь семью. А может, и меня. Ибо заговорила о грозящем мне инсульте. Мол, все такие дела заканчиваются в лучшем случае если не арестом, то инсультом.

Разговаривали в моем кабинете, без Маши, я так настоял. Я сказал, что с ней поговорю отдельно.

– Но мы вместе, это наша с ней общая позиция.

Ультиматум.

Публичные выступления и очерки ***(1990–2000-е гг.)***

**Выступление в Немецкой школе
им. доктора Гааза в Москве**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.